

трапезоу, плною соуштоу словесе аггельские пиште» (ЖС, 1). Данило же начинает Житие короля Уроша такими словами: «Отъврѣзоу бо оуста моя, и наплньеть се доуха трисяньнаго божьства, и прѣдълочу вамъ, въсѣчьстныи о господи събраныи личе урѣковъныи, трапезоу ни хлѣба ни вина ни месь благооуханьныхъ, нь трапезои испльненоу и оутвореноу брашьны книжьными, слаждьшоу паче меда и съта» (ЖКиАС, 3). Интересно, что житие уподобляется «трапезе духовной», как и у Епифания Премудрого, который, подобно Феодосию и Даниле, в начале Жития Сергия Радонежского провозглашает: «Се убо духовная трапеза предложитъ». ¹⁴ Во всех трех случаях житие уподобляется евхаристии; только присутствующие слушатели вместо хлеба и вина причащаются «брашьны книжьными», или, как пишет Епифаний Премудрый: «Се хлебы неистощимиа пища» и «се вино душа и телеса веселяща». ¹⁵ Данило, правда, говорит более конкретно: он для своих слушателей-читателей приготовил трапезу «слаждьшу меда и съта», а Феодосий предлагает им трапезу «плну сушту словесе аггельские пиште». Епифаний же приглашает: «Приидите же ако причастимся словесы». ¹⁶ Бросается в глаза факт, что, повествуя о жизни короля, а не церковного владыки, Данило не стесняется использовать символ «трапезы духовной».

Сербских книжников, как было сказано выше, упрекали в том, что их произведения не содержат конкретных исторических деталей, что они изобилуют библейскими параллелями и риторическими амплификациями. Между тем именно эти многочисленные цитаты из священного писания и аналогии с библейскими персонажами и событиями отражают стремление авторов этих произведений подняться над частным и конкретным — временным, и найти общее и абсолютное, т. е. вечное, или, как говорит Доментиан: «Не зри красньныхъ мира сего въскорѣ мимогредоуштиихъ; послушаи апостола глаголюшта: вса видимы мира сего раздроушетъ се, а творей волю божию прѣбываетъ въ вѣкы» (ЖСиС, 28). Это те же поиски «невещественного в вещественном» — духовного смысла и христианских истин во всех явлениях жизни, о чем говорит Д. С. Лихачев, поясняя свою мысль следующими словами: «В средние века мы . . . можем отметить жажду отвлеченности, стремление к абстрагированию мира, к разрушению его конкретности и материальности, к поискам символических богословских соотношений, и только в формах письменности, не осознававшихся как высокие, — спокойную конкретность и историчность повествования». ¹⁷

Какими средствами и приемами сербские книжники выражали эту свою «Πνευματικὴ θεωρία», реализованную в написанном слове? Для наглядности ответа на заданный вопрос нам кажется, что лучше всего воспользоваться определениями и объяснениями стилистических приемов, как они изложены Д. С. Лихачевым в его докладе на IV Международном съезде славистов. Мы делаем это по двум причинам: 1) эти приемы впервые в упомянутом докладе получили свое четкое определение и 2) если рассмотреть эти приемы на материалах произведений сербских средневековых авторов, то станет ясно, что эти произведения настолько выросли в литературном отношении, что смогли послужить образцом и толчком для других славянских книжников.

¹⁴ Древние жития Сергия Радонежского, изд. Н. Тихонравовым, М., 1892, стр. 3. (Далее: Древние жития).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Д. С. Лихачев. Некоторые задачи изучения южнославянского влияния в России. IV Международный съезд славистов, Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 27. (Далее: Некоторые задачи).